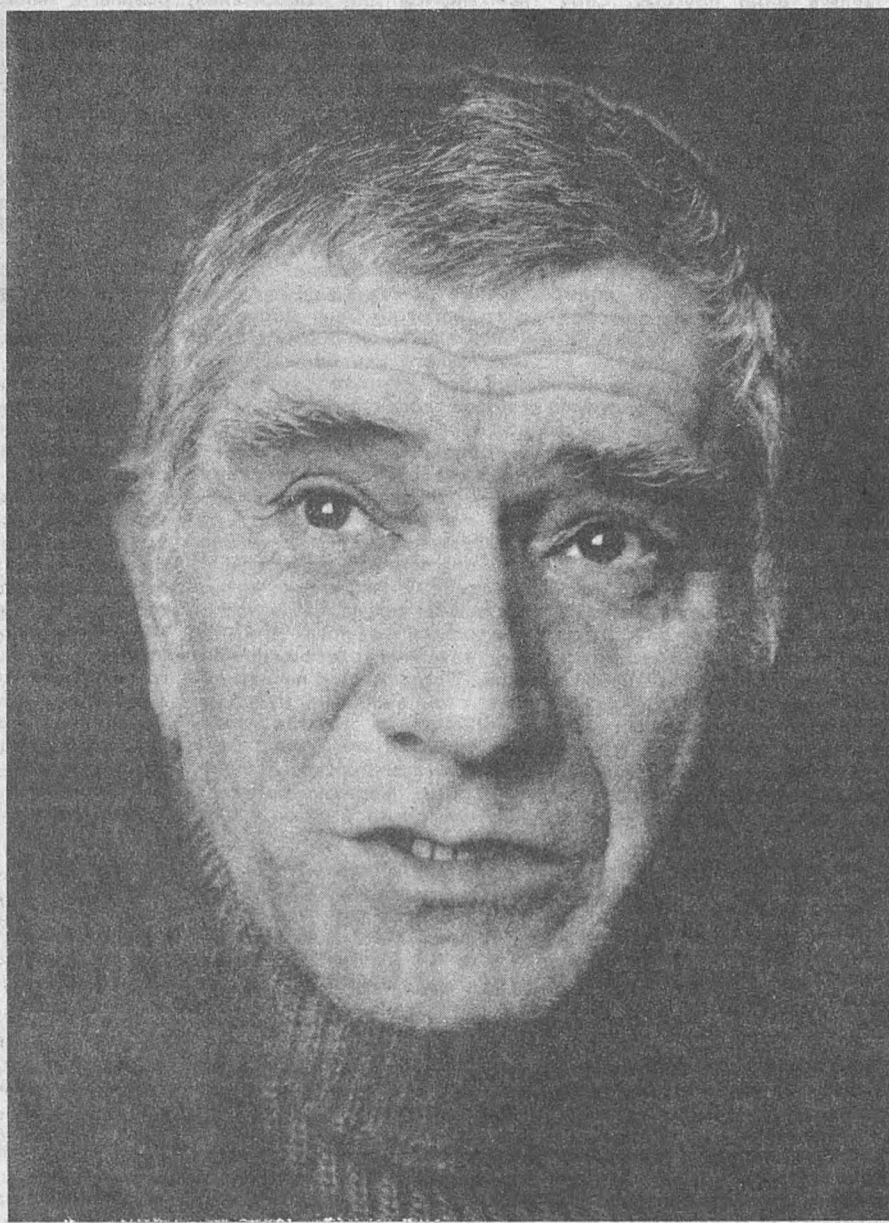

«МЕНЯ ПУГАЮТ ИСПОЛНИТЕЛИ»

Армен Джигарханян:

Джигарханян больше играет, чем рассказывает. Разговор с ним еще и зрелищно увлекателен. Для умного, талантливого человека все неоднозначно, непросто, со знаком сомнения. Однако есть ясность мысли и четкая «аргументация»: в жесте, мимике, цепи мгновенно симпровизированных мизансцен.

— Армен Борисович, в одном из своих интервью вы заявили, что интересуетесь не отдельными фрагментами, не крупными и общими планами, а потоком жизни. Какие ощущения вы испытываете, наблюдая за этим «потоком» сегодня?

— В наших организмах десятилетиями происходили изменения, перестраивались гены, характеры, мышление. Теперь мутации обнаруживают себя, поэтому часто самые благие намерения реализуются в страшно уродливой форме. Блокадные, пережившие голод, порой погибали от переизбытка хлеба. Быть может, последующие поколения будут нам благодарны за то, что мы приняли это тяжелое время на себя. Или я идеалист?

Вчера вычитал у Достоевского потрясающую фразу: «Рабы в рабстве свободны». Что легче: перестать быть рабом или не дать разрушить рабство и дальше комфортно в нем существовать? Психология подчинения свойственна нам во всем. Например, русский театр — это извечно театр крепостных. Я имею право так говорить, не рискуя никого обидеть, поскольку считаю себя русским актером и сам варюсь в общем котле. Очень удобно — минимум ответственности. «Вот уже барин придет!». Но с другой стороны, крепостное искусство достигало огромных

высот. А один наш балетмейстер, по слухам, бил своих танцовщиц палкой по ногам и «выбил» для них мировую славу. Так что поток жизни вынес нас на распутье. И сложность не только в том, чтобы сделать выбор.

Моисей сорок лет водил свой народ по пустыне. Сорок лет! Сколько раз от него, наверное, требовали повернуть назад... Процесс окажется мучительно долгим и непосильным для многих — вот что меня угнетает. Нас подводит такое, я бы сказал, «остраненное» отношение к истории. А ведь все бесконечно повторяется, причем сейчас и повторение-то примитивно, словно детская пародия на «взрослую» жизнь. Мы поражаемся пророчествам философов прошлого. Да они просто трезво и реалистично смотрели на мир, а не утыкались носом в собственную тарелку. Не зная родословной понятий, опасно ими оперировать, — неизвестно, во что это выльется. Говорят, у нас демократия? А по-моему, у нас шабаш. Надо думать о нормальной человеческой справедливости, а не об абсолютной демократии, которая вряд ли достижима. Во всех странах у женщин рождаются герои и мародеры, с этим приходится считаться.

— В политические игры вы не играете!

— Я втянут в них самим фи-

зическим существованием здесь, в такую эпоху. Но как наивный человек постоянно пытаюсь выйти из игры. Не читаю газет, не слушаю съездов. Стоит мне включить телевизор на какой-нибудь сессии, и я начинаю чувствовать себя обделенным полноценной жизнью. Я боюсь заразиться репрессивным духом, стать «агрессором» по отношению к близким, друзьям, пешеходу, лезущему под колеса.

Главное в актерской профессии — поверить, проникнуться до конца тем или иным состоянием. Я не умею жить иначе. Пусть не прав, но на митинги не выхожу. Верю порядочности людей, их искренней озбоченности, но у меня голова занята другим. И у себя в театре не участвую в спорах, в брызганье слюной. Давайте о работе поговорим! Лучше я буду свое дело делать в полную силу, чем чужое — вполне.

— И все же какие-то события внеаттракционного мира вас волнуют — ситуация в Армении, предположим?

— География для меня не принципиальна. Статистика убитых и раненых — ведь не бюджетные выкладки, она воспринимается очень остро, болезненно. В Армении в какой-то роковой момент жертвы стали неотличимы от палачей. Трудно сочувствовать одной из сторон, обе выглядят крайне не-симпатично. Сочувствовать

можно только конкретным людям, семьям. Мне привезли из НКАО любительскую видеозапись нападения на армянский автобус. Я никогда не забуду лица одного старика. Избитый, весь в крови, а в глазах — непонимание происходящего. Поэтому что этот ужас противоречит всяким законам разума, логики.

Меня пугают исполнители. В них — причина, корни зла. Все началось не с большевиков, не с Петра, не с Ивана Грозного, а со стражников, которые вели Христа на Голгофу. Пока находятся те, кто подчиняется приказу, трусливо прячась за ним, те, кто догоняет и добивает, преступных приказов тоже будет достаточно.

Я обожаю животных. И утверждаю, что нравственный потенциал складывается в их пользу. Они не вышли из повиновения у природы, а она не бросила их на произвол судьбы, как нас, строптивых. Животные инстинктивно честны, инстинктивно мудры. Вы не заставите моего кота съесть тухлую рыбу. А человек понюхает, поколеблется: вроде ничего! — съест, отравится и ничему не научится. Если бы мы учитывали свои ошибки, все вокруг давно было бы стерилизованным. У нас нет опоры. От инстинкта ушли, к разуму не пришли.

— Меняется ли с годами ваше отношение к профессии?

— Меняется в сторону все большей влюбленности. Мне даже неудобно об этом говорить, — как барышня, Нина Заречная, честное слово. Мне многое было дано судьбой и многое, к сожалению, отнято. А там, на сцене, душа успокаивается. Там я был сто раз женат, имел кучу детей, любовниц, братьев, сестер — жил жизнью, гораздо богаче своей собственной. Творчество — это отдушину, куда выплескиваешь страдания, переживания, радость, если ее слишком много для одного человеческого сердца. Так, Моцарт, написав «Реквием», избавился от гнетущего призрака. На нас давят условности, «приличия», мы вынуждены отказываться от своих желаний. А на сцене я свободен, раскрепощен и делаю именно то, что хочу.

Я занимаюсь со студентами в ГИТИСе и вижу, что мы учим их вещам второстепенным — системам, приемам, технике. Простите за физиологичный пример, но, по-моему, он очень точен. Я дружил с Борисом Михайловичем Тениным, и однажды мы вместе ехали в СВ в Ленинград. Когда он разулся, я удивился его ногам, — у пожилого человека, как у юноши. «Видите ли, — ответил он, — я всегда покупал обувь на размер больше...». Мы пять лет делимся с будущими актерами подобными простейшими способами достичь гармонии на сцене. Но свободные туфли не делают ног стройнее или выше. Как привить студентам неспособность не играть? Как внушить им эту профессиональную «наглость» — выйти и обманывать 1.200 человек, заставить почувствовать радость обладания залом?

— Вы ежевечерне обманываете 1.200 человек и получаете от этого удовольствие. А что отдаете взамен?

— Я должен взбудоражить их своим «обманом». Возможно, религия — тоже обман, но обман во благо. Люди договариваются верить, чтобы жить было легче. Мне приходилось терять близких, и я верю в за-

гробный мир. С любой точки зрения опровергните передо мной его существование — переубедить меня вам не удастся. Я надеюсь однажды увидеть тех, кого очень любил, живу этой надеждой.

Наша сфера — человеческие чувства. Сейчас нет пьесы актуальнее, чем, скажем, «Ромео и Джульетта». Она отнюдь не аполитична, напротив. Но самое главное — в ней заложен огромный эмоциональный заряд. За сознание нашего зрителя отвечает «бытие»: газеты, транспорт, магазины, лозунги... Зато мы, актеры, отвечаем за его подсознание, надсознание, за те поступки, которые он совершает неосмысленно, по первому порыву. Это особенно важно сейчас, когда чувства уже практически не подчиняются рассудку. Что выплеснется наружу: ярость, жестокость, сострадание, — зависит и от меня.

Я сам очень благодарный зритель. Меня не интересуют секреты, механизм спектакля, я никогда не стою, скажем так, одной ногой за кулисами. Мне просто хочется вынести из театра яркое впечатление. И я совершенно искренне обижаясь на цитаты, пафос и нравоведения. Надо лишь подтолкнуть мозг зрителя к работе, растормозить его. Злободневность — легкое болеутоляющее, а не серьезное лекарство.

— Участие в фильме Карена Шахназарова «Цареубийца» не отталкивало вас возможностью конъюнктуры — ведь тема довольно скользкая!

— Вы правы, тема провоцирует на внешнюю эффектность, патетику. Но, мне кажется, нам удалось их избежать.

Признаюсь, я не поклонник излишней драматизации судьбы императорской фамилии, в этом много лукавства и фальши. Царь не свят уже потому, что он царь. Я занят только в одном «крыле» фильма, не знаю, что получится при стыковке. Искусство всегда рождается на грани, в момент соединения частей в целое. Очень интересно работать с Шахназаровым, наблюдать за ним. Я-то — говорю, могу наболтать чего-то, заморочить голову, а он сдержан, молчалив, и каждая его фраза звучит весомо. По-моему, должна получиться неплохая, глубокая картина.

— Вы склонны выделять для себя какие-то этапные работы?

— Суеверно боюсь любого подведения итогов. Для меня это равнозначно остановке — попробуй потом снова разогнись. Друзья советуют писать — не книгу, конечно, хотя бы отрывочно, эскизно. Боюсь. Взялся за воспоминания, за учения — значит, кончено! А я еще многое надеюсь сыграть.

— Какими качествами должна обладать роль, чтобы привлечь вас?

— Всякий раз разными. Слияние с ролью или отторжение непредсказуемы. Если она написана «с меня» и «на меня», скорее всего, играть не буду. Скучно. Бывает наоборот, возмущаешься: что вы мне предлагаете, во мне этого нет! Потом оказывается — сколько угодно. Я всегда избегал создавать себе ампулу на сцене и имидж в жизни. Во-первых, глупо, не соответствует естественному порядку вещей. Во-вторых, стоит тебе высунуться из-под маски, зритель уйдет разочарованным. Ведь в зрительском восприятии штампов гораздо больше, чем

в игре актеров. В зал приносят полный набор формул. Мы всю жизнь с трудом придумываем для себя стереотипы, чтобы затем с трудом их разрушить. Я помню, как долгое время встречал Георгия Данелию на вечерах, приемах, и в моем представлении сложился образ гордого, даже чуть надменного «князя». А потом наши дороги пересеклись на съемочной площадке, и вот он, «князь», — тонкий, деликатный, трогательный. Я до сих пор не понимаю, где были мои глаза, как я мог так заблуждаться? Человек неоднозначен. У него горе, катастрофа, но одновременно он стынет на ветру и мечтает попасть в тепло. Гармония жизни — в ее многообразии, а не в заданности.

Ампула для меня есть степень убедительности. Могу ли я сейчас сыграть Ромео? Иными словами: способен ли я в моем возрасте влюбиться, как в первый раз? Вы скажете, что это будет не Ромео, а Маттиас Клаузен. Но чем Маттиас Клаузен из «Перед заходом солнца» отличается от Ромео? Седыми волосами, подагрой? Пережитым, опытом предыдущих лет в первую очередь. Но если ты умеешь отказываться от одного и подчеркнуть другое, забыть все любви и вспомнить первую, ты можешь варьировать ампулу почти бесконечно. Один раз я наблюдал на бульваре за уже не юной влюбленной парой. Они сидели на скамейке, рука в руке, о чем-то разговаривали. У мужчины был нервный тик, его лицо постоянно передергивалось гримасой. Но это не выглядело смешным. В тот момент он был героем-любовником. Весь вопрос в том, какую задачу перед собой ставишь: сыграть любовь или тик.

Роль может быть интересной только для меня и только в данную минуту. Важен целый комплекс сиюминутных ощущений, настроения, самочувствия, случайностей. Здесь нет ничего магического, шаманского. Это так же просто и так же чудесно, как зачатие и рождение. Человечеству за миллионы лет не удалось «усовершенствовать» два этих акта, неизменных и вечных в своей простоте.

— И все же за вами укрепился один образ — образ сильного, мужественного человека. Что вы думаете о современных мужчинах?

— То же, что и о современных женщинах. Мне всех жалко. Мы отличаемся, например, от американцев тем, что они выводят породу, а мы создаем модели. Зайцев — из ткани, экран или эстрада — из плоти, но эти модели равно абстрактны, отдают мертвечиной. Я хочу пробудить в своих студентах мужчин и женщин, научить их любить, ухаживать, ревновать, ненавидеть. Но ведь они выйдут из аудитории, и жизнь, быт одним ударом загонят их опять в нишу под названием «Возьмемся за руки, друзья!». В нашем обществе действует искусственный отбор, в безопасности — не сильные, толковые, незаурядные, а серые и неприглядные. Это лучшие рабы, это ценнейшие исполнители. Но в жизни всегда есть шанс «высунуться». Даже если придется кого-то «раскидать», жесткая мужская борьба честнее равнодушной покорности.

Беседу вела
Елена ЯМПОЛЬСКАЯ.

Фото А. Белянчева.